

e-ISSN 3060-5059

DOI: 10.67227

IJTIMOIIY-GUMANITAR SOHADA ILMIY-INNOVATSION TADQIQOTLAR

ILMIY METODIK JURNAL

Scientific and Innovative Research in
Social and Humanitarian Studies

Vol. 3 • Issue 10

2026

Founded in 2024

publishscience.uz

publish_science_journal@mail.ru

PEER REVIEWED • OPEN ACCESS

VIRTUAL MUHITDA SHAXSNING AXBOROT XAVFSIZLIGI VA INSON BORLIG'I AUTENTIKLIGI MUAMMOSI

Burnashev Rinat Faritovich

Samarqand davlat chet tillar instituti, dotsent.

Annotatsiya.

Maqolada jamiyatning raqamli transformatsiyasi sharoitida inson borlig'ining autentikligini saqlab qolish muammosi tadqiq etiladi. Tadqiqotning ilmiy yangiligi shaxsning axborot xavfsizligiga subyekt-antropologik yondashuvni ishlab chiqishdan iborat bo'lib, ushbu yondashuv axborot xavfsizligini inson avtonomiyasi va mustaqil ravishda o'z taqdirini belgilash qobiliyatini saqlab qolish sharti sifatida talqin etadi. Shaxsning axborot avtonomiyasi tushunchasini kiritish orqali axborot xavfsizligi kategoriyasining mazmuni aniqlashtirilgan. Axborot resurslariga emas, balki inson subyektligini saqlab qolish shart-sharoitlariga ko'proq ta'sir ko'rsatadigan ekzistensial axborot tahdidlari konseptuallashtirilgan. Ontologik, gnoseologik, aksiologik va ijtimoiy-axloqiy o'lchovlarni birlashtiruvchi axborot xavfsizligining to'rt o'lchovli ijtimoiy-falsafiy modeli ishlab chiqilgan. Virtual muhitda inson mavjudligining autentikligini saqlab qolishning asosiy mezon sifatida refleksiv avtonomiya haqidagi qoida ilmiy jihatdan asoslangan.

Kalit so'zlar: shaxsning axborot xavfsizligi, autentiklik, inson borlig'i, raqamli identiklik, virtual muhit, axborot avtonomiyasi, subyektlik, algoritmik boshqaruv, sun'iy intellekt, raqamli kuzatuv, refleksiv avtonomiya.

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ И ПРОБЛЕМА АУТЕНТИЧНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ В ВИРТУАЛЬНОЙ СРЕДЕ

Бурнашев Ринат Фаритович

Самаркандский государственный институт иностранных языков, доцент.

Аннотация.

В статье исследуется проблема сохранения аутентичности человеческого бытия в условиях цифровой трансформации общества. Научная новизна исследования заключается в разработке субъектно-антропологического подхода к информационной безопасности личности, рассматривающего её как условие сохранения человеческой автономии и способности к самостоятельному самоопределению. Уточнено содержание категории информационной безопасности посредством введения понятия информационной автономии личности. Концептуализированы экзистенциальные информационные угрозы, воздействующие не столько на информационные ресурсы, сколько на условия сохранения человеческой субъектности. Разработана четырёхмерная социально-философская модель информационной безопасности, объединяющая онтологическое, гносеологическое, аксиологическое и социально-этическое измерения. Обосновано положение о рефлексивной автономии как ключевом критерии сохранения аутентичности человеческого существования в виртуальной среде.

Ключевые слова: информационная безопасность личности, аутентичность, человеческое бытие, цифровая идентичность, виртуальная среда, информационная автономия, субъектность, алгоритмическое управление, искусственный интеллект, цифровое наблюдение, рефлексивная автономия.

PERSONAL INFORMATION SECURITY AND THE PROBLEM OF AUTHENTICITY OF HUMAN EXISTENCE IN THE VIRTUAL ENVIRONMENT

Burnashev Rinat Faritovich

Samarkand State Institute of Foreign Languages, Associate Professor.

Abstract.

The article examines the problem of preserving the authenticity of human existence in the context of the digital transformation of society. The scientific novelty of the study lies in the development of a subject-oriented anthropological approach to personal information security, which considers it a prerequisite for preserving human autonomy and the capacity for independent self-determination. The conceptual content of information security is clarified through the introduction of the notion of personal informational autonomy. Existential information threats are conceptualized as threats affecting not so much information resources as the conditions necessary for preserving human subjectivity. A four-dimensional socio-philosophical model of information

security is developed, integrating ontological, epistemological, axiological, and socio-ethical dimensions. The study substantiates the proposition that reflexive autonomy constitutes a key criterion for preserving the authenticity of human existence in the virtual environment.

Keywords: personal information security, authenticity, human existence, digital identity, virtual environment, informational autonomy, subjectivity, algorithmic governance, artificial intelligence, digital surveillance, reflexive autonomy.

Введение. Цифровая трансформация меняет не только скорость коммуникации, но и способы человеческого существования. Платформы, рекомендательные алгоритмы и генеративный искусственный интеллект опосредуют обучение, труд, социальные отношения, самопрезентацию и выбор. Технологии становятся инфраструктурой социального бытия. Поэтому традиционная модель информационной безопасности, обеспечивающая конфиденциальность, целостность и доступность данных, не охватывает воздействия на внимание, убеждения, эмоциональные реакции и решения человека, возможные без нарушения защищённости ресурсов.

В этих условиях возникает социально-философский вопрос: остаётся ли человек субъектом собственных решений, если пространство доступных ему возможностей предварительно организуется алгоритмами? Для ответа необходимо обратиться к категории аутентичности. М. Хайдеггер, раскрывая собственный и несобственный способы существования, подчёркивает: «Собственное бытие-собой покоится не на каком-то исключительном состоянии субъекта, оторванном от «людей», но представляет собой экзистенциальную модификацию «людей» как существенного экзистенциала» [1]. Следовательно, подлинность не означает изоляции от общества. По аналогии аутентичность в цифровую эпоху предполагает не отказ от технологий, а сохранение способности рефлексивно определять собственную позицию внутри технологически опосредованных отношений.

Изменение условий человеческого присутствия описывается в концепции onlife: Л. Флориди характеризует современную ситуацию как «the blurring of the distinction between reality and virtuality» — размывание различия между реальным и виртуальным [2]. Цифровое действие имеет последствия для репутации, профессиональной биографии и социальных связей, а физическое событие включается в информационную интерпретацию. Поэтому противопоставление «реального» и «виртуального» становится недостаточным для оценки информационной безопасности личности.

Исследовательская проблема заключается в недостаточной концептуализации воздействия цифрового профилирования, персонализации, наблюдения и синтетических репрезентаций на самостоятельное формирование убеждений и идентичности. Цель статьи — раскрыть связь информационной безопасности и аутентичности человеческого бытия и разработать модель защиты условий субъектности. Новизна состоит в переходе от объектно-информационного подхода к субъектно-антропологическому, включающему информационную автономию, экзистенциальные угрозы и рефлексивное самоопределение.

СТЕПЕНЬ НАУЧНОЙ РАЗРАБОТАННОСТИ ПРОБЛЕМЫ

Онтологическое основание исследования образует различие собственного и несобственного существования М. Хайдеггера [1]. Ж.-П. Сартр связывает человеческое самоопределение со свободой и ответственностью, не позволяя свести субъекта к совокупности воздействующих обстоятельств [3]. В работах М. Фуко анализируются дисциплинарные технологии, наблюдение и распределённый характер власти [4; 5], а Ж. Бодрийяр раскрывает способность симулятивных структур создавать гиперреальность [6]. Ч. Тейлор рассматривает аутентичность как ценностно обусловленный идеал, а не произвольное следование индивидуальному желанию [7]. Исследования М. Кастельса связывают власть коммуникации с устройством сетевого общества [8], тогда как Л. Флориди описывает изменение человеческой реальности в инфосфере [9]. Работы Ш. Тёркл о жизни на экране и взаимодействии людей с технологиями обозначают проблематику цифровой идентичности и социальных связей [10; 11]. Коллективный проект Onlife расширяет обсуждение человеческого существования в гиперсвязанной среде [12]; С. Варга исследует нормативный смысл аутентичности [13], Ю. Саймон — распределённую эпистемическую ответственность [14], Н. Девандр — соотношение свободы и человеческих начинаний [15]. Эти подходы задают основания для рассмотрения информационной безопасности как антропологической категории.

В русскоязычных исследованиях А. А. Лисенкова анализирует трансформацию идентификационных стратегий [16]. Л. Н. Соловьева показывает взаимодействие физического и виртуального измерений идентичности [17; 20], Е. О. Труфанова исследует размывание границ приватного и публичного [18]. Р. В. Пеннер и Л. Б. Осипова раскрывают цифровые формы проектирования социальной идентичности [19], Л. С. Храмова — изменение персональной идентичности и отношений «Я — Другой» [21], И. О. Щедрина — когнитивную и экзистенциальную функции цифрового нарратива [22]. А. Л. Крайнов отмечает риски деперсонализации и несоответствия цифрового образа личности [23]; Р. В. Пеннер исследует методологию цифровой идентичности с учётом онлайн- и офлайн-практик [24]. И. В. Черникова и И. В. Якунина связывают цифровую трансформацию идентичности с вопросами ответственности субъекта [25]. Эти труды описывают многообразие идентификационных процессов, но не всегда рассматривают информационную безопасность как условие аутентичного существования.

В зарубежной литературе С. Милано, М. Таддео и Л. Флориди систематизируют этические проблемы

рекомендательных систем [26]. С. Берендс и Ч. Айдын трактуют аутентичность в технологической среде как динамический процесс, не сводимый к оппозиции «подлинного» и «сконструированного» Я [27]. А. де Рейтер выявляет специфический вред дипфейков для социальной репрезентации человека [28]; Б. Ваассен показывает значение непрозрачности искусственного интеллекта для личной автономии [29]. С. Боникальци, М. Де Каро и Б. Джованоло связывают рекомендации с манипуляцией, персональной идентичностью и критическим мышлением [30]. Л. Саволайнен и М. Рукенстайн раскрывают многомерность автономии во взаимодействии с алгоритмами [31]; К. Пранкл различает агентность и аутентичность [32], а Р. Сасс выделяет несколько взаимосвязанных измерений автономии [33]. А. Декло и В. Гранжан исследуют возможность понимания цифровых структур как продолжения человеческого Я [34].

Таким образом, концепции идентичности, приватности, алгоритмической автономии и этики искусственного интеллекта часто развиваются раздельно. Исследовательский пробел состоит в отсутствии их интеграции в социально-философскую модель информационной безопасности, объясняющую условия осознанного выбора, пересмотра предпочтений и сохранения аутентичности.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование носит теоретико-концептуальный характер; его материал составляют классические философские тексты и современные работы по цифровой идентичности, алгоритмическому управлению и этике технологий. Экзистенциально-феноменологический подход раскрывает виртуальную среду как пространство человеческого присутствия, свободы и самоотношения. Социально-философский анализ позволяет рассматривать пользователя в системе экономических, институциональных и коммуникационных отношений, а не как изолированного носителя данных.

Герменевтический и сравнительно-философский методы позволяют сопоставить концепции аутентичности, власти и идентичности с цифровыми практиками. Диалектический метод выявляет противоречия свободы и наблюдения, персонализации и автономии, публичности и приватности. Критический анализ опирается на теорию власти М. Фуко [4; 5]. Концептуальный метод уточняет категории информационной автономии, экзистенциальной угрозы и рефлексивного самоопределения. Полученные выводы носят теоретический характер и не основаны на самостоятельном эмпирическом исследовании.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Аутентичность нельзя определять через совпадение человека с его интернет-профилем: идентичность формируется в различных социальных ролях, а множественность самопрезентаций сама по себе не свидетельствует о неподлинности. Важно, способен ли субъект понимать основания цифрового образа и соотносить его с принятыми ценностями. Цифровой нарратив может содействовать самопознанию [22], а аутентичность в технологической среде предполагает динамическое согласование внутренней позиции с внешними условиями [27].

Хайдеггеровское *das Man* обозначает безличную структуру повседневного «так принято», а не конкретного управляющего субъекта [1]. Алгоритм нельзя отождествлять с этим экзистенциалом, но рейтинги, тренды и метрики популярности могут усиливать социальный конформизм. Противоречие между самовыражением и самопрезентацией обостряется, когда измеримые реакции аудитории влияют не только на публичный образ, но и на самооценку и убеждения. Философия свободы Ж.-П. Сартра [3] позволяет различить признание внешнего влияния и отказ от ответственности за собственную позицию.

Автономия осуществляется внутри социальных и технологических отношений: субъект должен понимать воздействие, различать собственное решение и стимулированную реакцию, сохранять возможность пересмотра предпочтений. Л. Саволайнен и М. Рукенстайн характеризуют автономию как многомерное достижение [31]; Р. Сасс связывает её с агентностью, аутентичностью и контролем над решениями [33]. Поэтому информационная безопасность касается не только данных, но и возможностей субъекта.

Первым авторским результатом выступает расширенное определение информационной безопасности личности: это состояние взаимодействия человека с информационно-цифровой средой, при котором наряду с конфиденциальностью, целостностью и доступностью значимой информации сохраняются способность самостоятельно формировать убеждения, критически оценивать информационное воздействие, контролировать существенные формы цифровой репрезентации и осуществлять свободное и ответственное самоопределение. Определение дополняет объектно-информационную модель субъектно-антропологическим измерением [35].

Информационная автономия личности означает не отсутствие влияния или полный контроль над технологиями, а достаточную способность понимать отбор, интерпретацию и использование информации при формировании значимых решений и практически изменять способы цифрового взаимодействия. Её условия — распознавание посредничества, наличие альтернатив и возможность осуществлять осознанный выбор.

Рекомендательные системы помогают ориентироваться в условиях информационного избытка, но предварительно организуют поле выбора. Их этические последствия выходят за пределы эффективности [26] и затрагивают манипуляцию, идентичность и критическое мышление [30]. Угроза возникает при скрытой персонализации, исключении альтернатив и зависимости от непрозрачного отбора. Б. Ваассен показывает, что непрозрачность искусственного интеллекта способна ограничивать автономию и без очевидной технической ошибки [29]. Необходима содержательная прозрачность — понимание факта посредничества, целей обработки данных и возможного влияния рекомендаций, а не знание математической архитектуры алгоритма.

Цифровое наблюдение раскрывает другое измерение проблемы. М. Фуко описывает дисциплинарную

видимость формулой «видимость есть ловушка» [4] и распределённость власти словами: «Власть везде; не потому, что она охватывает всё, а потому, что она исходит отовсюду» [5]. Цифровые следы собираются платформами, приложениями и организациями. Ожидая наблюдения, пользователь заранее корректирует высказывания и поведение. Социальная самокоррекция не обязательно негативна, но неопределённая постоянная наблюдаемость ограничивает пространство сомнения, эксперимента и изменения идентичности.

Приватность поэтому означает не только сокрытие сведений, но и возможность определять границы публичности. Как показывает Е. О. Труфанова, цифровые коммуникации размывают разделение частного и публичного [18]. Автономия предполагает пространство дистанции от внешней оценки, но не абсолютную закрытость: критерием выступают соразмерность наблюдения и реальная возможность выбирать степень открытости.

Ж. Бодрийяр определяет симуляцию так: «Это порождение моделями реального без происхождения и реальности: гиперреального» [6]. Генеративный искусственный интеллект делает возможным убедительное воспроизведение изображений, речи и видео без соответствующих событий. Дипфейки не только вводят в заблуждение, но и позволяют использовать лицо, голос и другие индивидуальные признаки против воли личности; А. де Рейтер описывает ущерб её социальной репрезентации [28]. Следует различать техническую аутентичность цифрового объекта — подлинность происхождения — и экзистенциальную аутентичность субъекта — соответствие действия его рефлексивно принятой позиции.

А. Декло и В. Гранжан обсуждают цифровые структуры как возможные компоненты человеческого Я [34]. Не признавая цифровой профиль отдельной личностью, необходимо учитывать его роль в биографической непрерывности. Утрата архива, захват учётной записи или подмена публичного образа затрагивают социальное существование, поэтому безопасность цифровой идентичности не сводится к защите информационного объекта.

Вторым авторским результатом является выделение экзистенциальных угроз информационной безопасности личности. Это информационные, коммуникативные и алгоритмические воздействия, которые, не обязательно нарушая конфиденциальность, целостность либо доступность информационных систем, существенно ослабляют возможность субъекта самостоятельно формировать убеждения, определять ценности, контролировать значимые формы собственной идентичности и осуществлять рефлексивный выбор. К ним относятся скрытое управление вниманием, манипулятивное структурирование альтернатив, непрозрачное профилирование, интериоризация постоянного наблюдения, зависимость самооценки от метрик признания и синтетическое присвоение индивидуальных признаков. Их специфический объект — не информационный ресурс, а условия сохранения субъектности [36].

Не каждое влияние представляет угрозу: социальное становление невозможно вне культуры, языка и коммуникации. Граница проходит там, где воздействие существенно затрудняет его осознание, критическую оценку и пересмотр решения. Отсюда вытекает понятие рефлексивной автономии — способности понимать существенные механизмы и цели влияния, соотносить альтернативы со своими убеждениями и изменять выбор. Данный критерий согласуется с различением агентности и аутентичности у К. Пранкл [32] и многомерным подходом Р. Сасса [33]. Он не устраняет зависимость человека от среды, но препятствует превращению субъекта в объект оптимизации.

Третий авторский результат — четырёхмерная социально-философская модель информационной безопасности личности (рис. 1). Её онтологическое измерение направлено на сохранение субъектного статуса человека: личность не может исчерпываться профилем, массивом данных или предсказательной моделью и должна иметь возможность определять способы цифрового присутствия. Гносеологическое измерение обеспечивает критическое понимание информационной реальности, различение факта и интерпретации, события и репрезентации, подлинного и синтетического контента. Аксиологическое измерение устанавливает приоритет достоинства, свободы, ответственности, автономии и приватности над одной лишь технологической эффективностью. Социально-этическое измерение предусматривает институциональную прозрачность существенных процедур, возможность отказа и обжалования решений, защиту данных и ответственность разработчиков и платформ.

Рисунок 1. Четырёхмерная социально-философская модель информационной безопасности личности в цифровой среде

Взаимосвязь измерений выражается следующей последовательностью: защищённость среды создаёт условия для информационной автономии, она обеспечивает рефлексивное самоопределение, а последнее поддерживает аутентичность существования. Субъектная рефлексия нуждается в институциональных гарантиях; техническая защищённость без пространства выбора остаётся недостаточной [37].

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Концепция отличается как от технологического детерминизма, так и от представления о нейтральности технологий. По Хайдеггеру, подлинность не требует выхода из социального мира [1]; использование алгоритмов также не тождественно неподлинности. Поисковые и рекомендательные системы необходимы в условиях информационного избытка, однако должны оцениваться с точки зрения того, расширяют ли они возможности сознательного выбора или скрывают альтернативы.

Рекомендательные алгоритмы анализируют прежние действия, предлагают контент и используют новую реакцию как основание для последующей персонализации [26; 30]. Так возникает рекурсивное закрепление прошлого поведения в будущем информационном окружении. Этот процесс не детерминирует субъекта абсолютно, поскольку он способен менять интересы и отвергать рекомендации, но может закреплять случайные реакции как устойчивую идентичность. Следовательно, точность предсказания не равнозначна поддержанию аутентичности.

Развивая многомерную концепцию автономии Л. Саволайнен и М. Рукенстайн [31], следует обосновать право личности на изменение цифровой траектории. Профиль реконструирует прошлое, тогда как человек способен переоценивать цели. Если статистическое предсказание становится обязательной рамкой будущего, возникает противоречие между алгоритмической повторяемостью и экзистенциальной открытостью. Важны

возможности исправлять сведения, оспаривать выводы и отказываться от ранее сложившихся предпочтений.

Непрозрачность алгоритмической оценки [29] делает формальный доступ к данным недостаточным: субъект должен понимать социально значимые заключения о себе. Объяснение, пересмотр и обжалование, соразмерные последствиям решения, превращают информационную автономию в практическую возможность воздействовать на собственную жизненную траекторию.

Дипфейк уточняет модель через репрезентативную автономию — возможность контролировать публичное использование лица, голоса и индивидуального стиля. Согласно А. де Рейтер [28], ущерб связан не только с обманом аудитории, но и с присвоением социальной репрезентации. Концепция «цифровых Я» А. Декло и В. Гранжана [34] выявляет биографическую значимость цифровых профилей и архивов, хотя и не предполагает автоматического отождествления цифровой копии с человеком.

Этика аутентичности Ч. Тейлора [7] позволяет отличать рефлексивно принятую ценность от импульсивного предпочтения. Платформа может закреплять случайную реакцию и сужать последующий опыт, тогда как новые точки зрения становятся условием личностного развития. Поэтому аутентичность предполагает возможность ценностной переориентации, а не максимальное соответствие рекомендаций истории действий.

Социальная проблема связана с экономикой платформенного внимания: профилирование служит прогнозированию поведения, причём пользователи сами оставляют необходимые данные. Понимание распределённой власти у М. Фуко [4; 5] объясняет участие субъекта в воспроизводстве контроля, но не устраняет асимметрию возможностей: архитектура сервиса определяет правила выбора и удобство отказа.

Информационная безопасность возникает на пересечении личной и институциональной ответственности. Цифровая грамотность и критическая рефлексия необходимы, но не компенсируют влияние платформенной архитектуры, использующей психологические уязвимости. Требуются соразмерный сбор данных, настройки приватности, возможности обжалования, прозрачность существенных процессов и этическая ответственность разработчиков. Ориентиром служит не устранение всякого риска, а защищённость, совместимая с ответственным выбором.

Между безопасностью и наблюдением возникает принципиальное противоречие: тотальная прозрачность человека для контролирующей системы способна уничтожить автономию, которую безопасность призвана защищать. Свобода самовыражения также может сопровождаться давлением аудитории, а персонализация — сужением информационного опыта. Социально-философская задача состоит в определении пределов допустимого воздействия с учётом достоинства, приватности, общественного интереса и ответственности.

Четырёхмерная модель пригодна для этической экспертизы цифровых систем. Онтологический критерий выявляет редукцию человека к профилю; гносеологический — доступность критической проверки решений; аксиологический — сохранение достоинства, свободы и приватности; социально-этический — институциональную возможность выбора и обжалования. Совместная оценка выявляет риски, выходящие за пределы технически корректной защиты данных. При этом предложенная модель носит концептуальный характер и не является готовой количественной шкалой; её операционализация и эмпирическая проверка требуют дальнейшей работы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Информационная безопасность личности не исчерпывается защитой данных: цифровые системы участвуют в формировании внимания, идентичности и жизненных решений, поэтому необходима защита условий человеческой субъектности. Виртуальное существование не является априори неподлинным; критерием аутентичности выступают осмысленное отношение человека к своей цифровой активности и ответственность за выбор.

Первый авторский результат — субъектно-антропологическое определение информационной безопасности, включающее информационную автономию, критическую оценку воздействий и самостоятельность выбора. Второй — понятие экзистенциальных информационных угроз, затрагивающих условия формирования убеждений, идентичности и рефлексивного самоопределения даже при сохранности технических характеристик информационной системы.

Третий результат — четырёхмерная модель безопасности, объединяющая онтологическое сохранение субъектности, гносеологическое понимание информации, аксиологический приоритет ценностей и социально-этические гарантии. Связующим принципом служит рефлексивная автономия. Предложена последовательность «защищённость среды — информационная автономия — рефлексивное самоопределение — аутентичное существование».

Значимость исследования состоит в обосновании оценки безопасности по способности человека оставаться субъектом собственных убеждений и действий. Модель задаёт критерии для гуманитарной экспертизы платформ, развития цифровой грамотности и институтов приватности, объяснения и обжалования решений. Перспективой дальнейших исследований является эмпирическая проверка индикаторов рефлексивной автономии. Аутентичность человеческого бытия выступает фундаментальным аксиологическим критерием информационной безопасности личности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Библихина. – Харьков: Фолио, 2003. – 503 с.
2. Floridi L. Onlife Initiative. The Onlife Manifesto // The Onlife Manifesto: Being Human in a Hyperconnected Era. – Cham: *Tarix, Falsafa, Sotsiologiya, Siyosat*

Springer International Publishing, 2014. – P. 7–13.

3. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто / пер. с фр., предисл. и примеч. В. И. Колядко. – Москва: Республика, 2000. – 639 с.

4. Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова; под ред. И. Борисовой. – Москва: Ad Marginem, 1999. – 480 с.

5. Foucault M. The History of Sexuality. – Vol. 1. – New York: Pantheon Books, 1978. – 168 p.

6. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / пер. с фр. А. Качалова. – Москва: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. – 240 с.

7. Taylor C. The Ethics of Authenticity. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992. – 142 p.

8. Кастельс М. Власть коммуникации / пер. с англ. Н. М. Тылевич. – Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2020. – 591 с.

9. Floridi L. The Fourth Revolution: How the Infosphere Is Reshaping Human Reality. – Oxford: Oxford University Press, 2014. – 248 p.

10. Turkle S. Life on the Screen: Identity in the Age of the Internet // Literature and History. – 1997. – Vol. 6. – P. 117–118.

11. Turkle S., Merlington L. Alone Together. – Tantor Media, Incorporated, 2011. – P. 252–256.

12. Broadbent S. et al. The Onlife Manifesto: The Onlife Initiative // The Onlife Manifesto: Being Human in a Hyperconnected Era. – Cham: Springer International Publishing, 2014. – P. 7–13.

13. Varga S. Authenticity as an Ethical Ideal. – 2013. – 185 p.

14. Simon J. Distributed Epistemic Responsibility in a Hyperconnected Era // The Onlife Manifesto: Being Human in a Hyperconnected Era. – Cham: Springer International Publishing, 2014. – P. 145–159.

15. Dewandre N. Rethinking the Human Condition in a Hyperconnected Era: Why Freedom Is Not About Sovereignty but About Beginnings // The Onlife Manifesto: Being Human in a Hyperconnected Era. – Cham: Springer International Publishing, 2014. – P. 195–215.

16. Lisenkova A. A. Transformation of Identity in the Digital Age // Voprosy Filosofii. – 2020. – № 3. – P. 65–74.

17. Соловьева Л. Н. Цифровая идентичность как феномен информационной современности // Общество: философия, история, культура. – 2020. – № 12 (80). – С. 53–56.

18. Труфанова Е. О. Приватное и публичное в цифровом пространстве: размывание границ // Galactica Media: Journal of Media Studies. – 2021. – № 1. – С. 14–38.

19. Пеннер Р. В., Осипова Л. Б. Цифровые варианты проектирования социальной идентичности // Социум и власть. – 2022. – № 4 (94). – С. 7–15.

20. Соловьева Л. Н. Идентичность в условиях цифровой трансформации: теоретико-методологический фокус // Общество: философия, история, культура. – 2022. – № 11 (103). – С. 76–81.

21. Храмова Л. С. Персональная идентичность в эпоху цифровой трансформации // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2023. – № 4. – С. 130–135.

22. Щедрина И. О. Идентичность в цифровом пространстве: нарратив между когнитивным и экзистенциальным // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2023. – № 3 (65). – С. 124–129.

23. Kraynov A. L. Digital Identity as a Condition of Human Existence in a Digital Society // Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy. – 2024. – Vol. 24, № 2. – P. 137–141.

24. Пеннер Р. В. Цифровая идентичность: теория и методология // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 2024. – № 2. – С. 98–113.

25. Черникова И. В., Якунина И. В. Идентичность человека в условиях цифровой трансформации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2025. – № 83. – С. 103–113.

26. Milano S., Taddeo M., Floridi L. Recommender Systems and Their Ethical Challenges // AI & Society. – 2020. – Vol. 35, № 4. – P. 957–967.

27. Beerends S., Aydin C. Negotiating Authenticity in Technological Environments // Philosophy & Technology. – 2021. – Vol. 34, № 4. – P. 1665–1685.

28. De Ruiter A. The Distinct Wrong of Deepfakes // Philosophy & Technology. – 2021. – Vol. 34, № 4. – P. 1311–1332.

29. Vaassen B. AI, Opacity, and Personal Autonomy // Philosophy & Technology. – 2022. – Vol. 35, № 4. – Article 88.

30. Bonicalzi S., De Caro M., Giovanola B. Artificial Intelligence and Autonomy: On the Ethical Dimension of Recommender Systems // Topoi. – 2023. – Vol. 42, № 3. – P. 819–832.

31. Savolainen L., Ruckenstein M. Dimensions of Autonomy in Human–Algorithm Relations // New Media & Society. – 2024. – Vol. 26, № 6. – P. 3472–3490.

32. Prunkl C. Human Autonomy at Risk? An Analysis of the Challenges from AI // Minds and Machines. – 2024. – Vol. 34, № 3. – Article 26.

33. Sass R. Manipulation, Algorithm Design, and the Multiple Dimensions of Autonomy // Philosophy & Technology. – 2024. – Vol. 37, № 3. – Article 108.

34. Declos A., Grandjean V. Digital Selves // Synthese. – 2026. – Vol. 208, № 1. – Article 42.

35. Бурнашев Р. Ф. Информационная безопасность как новая философская категория цифровой эпохи // Научный вестник Наманганского государственного университета. – 2024. – № 12. – С. 243–248.

36. Бурнашев Р. Ф., Сирожова М. М. Информационная безопасность как экзистенциальный вызов в условиях постмодернизма // Universum: технические науки. – 2024. – Т. 1, № 12 (129). – С. 28–31.

37. Бурнашев Р. Информационная безопасность личности как предмет социальной философии // Ijtimoiy-gumanitar sohada ilmiy-innovatsion tadqiqotlar. – 2026. – Т. 3, № 5. – С. 535–543.